

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Одиль и три "матрешки" |

Автор: Людмила Клот, [Женева](#) , 12.11.2008.

Светлана и Одиль, фото автора

Обычно в рубрике «Наши люди» один герой, а сегодня сразу четверо: Одиль и три ее приемные дочери из России.

|

Точнее, в интервью участвовала лишь одна из них, 20-летняя Светлана. 19-летняя Наташа учится в Лондоне, а 15-летняя Марина была в это время в школе, в Женеве.

НГ: Одиль, начнем издалика: кто вы про профессии?

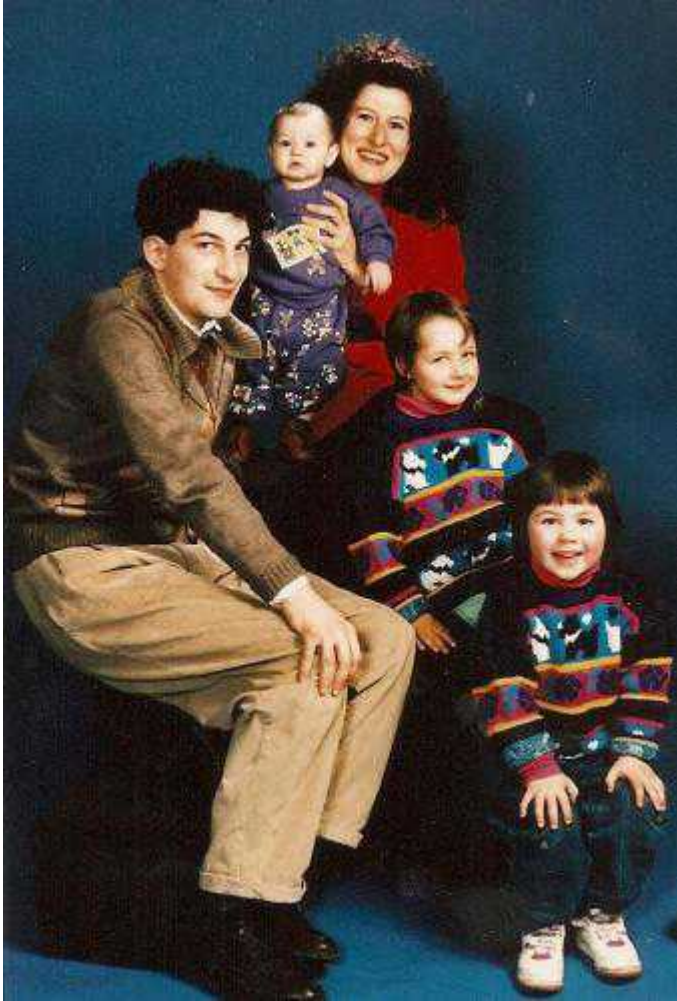
Одиль: Демограф. Я училась в Америке, жила в разных странах, а затем много лет работала в женевском офисе Международной организации труда. Я стесняюсь называть мою фамилию в статье, потому что все мои друзья и так знают, что я усыновила трех своих дочерей в России. Но с другой стороны, этот случай не типичен: я стала приемной матерью, когда мой сын был уже взрослым, а я развелась с мужем. В Швейцарии, особенно в Женеве, одинокой женщине сложно усыновить ребенка, а уж тем более троих сразу. Чтобы не создавать прецедента, давайте просто укажем мое имя, Одиль.

НГ: Как возникла идея усыновить ребенка и почему именно в России?

Одиль: Я родилась в Лондоне. Моя мать была наполовину француженкой, наполовину венгеркой, а отец - русским из очень хорошей семьи. Он успел окончить московский университет, а в 1924 году, вместе с последней волной белой эмиграции, уехал в Европу. Вы примерно представляете, через что пришлось пройти русским эмигрантам той эпохи.

НГ: Так у вас есть родственники в России?

Одиль: У меня там, к огромному сожалению, никого и ничего нет. Единственная сохранившаяся вещь - это университетский диплом отца. У него была в Петербурге двоюродная сестра, следов которой отыскать не удалось, она поменяла фамилию, провела 7 лет в лагерях и больше мы о ней ничего не знаем. Зато у нас много родственников русского происхождения, которые живут в Европе, у них в свою очередь выросли дети, мы все общаемся. Языки общения в семье - русский и французский.

Идея усыновления у меня была всегда, и видя, как подрастает мой сын, я понимала, что готова дать любовь еще одному ребенку. Я собрала все необходимые по швейцарскому законодательству документы и обратилась в Женевское агентство по усыновлению. А они предложили девочку 5 лет, но сказали: имейте в виду, у нее есть младшая сестра. Тогда я быстро подготовила документы, чтобы удочерить обеих.

НГ: Расскажите о первой встрече с Вашими дочерьми.

Одиль: Ноябрь 1992 года. Четыреста километров от Москвы. Мы выехали с утра на машине - а тогда машины в России были не такие, как сегодня, к примеру, та, на которой мы ехали, не отапливалась...

НГ: Ну знаете, нужно быть реалистом, у нас в те годы был кризис в стране...

Одиль, смеясь: О, я всегда была большая реалистка! Такой и осталась. Мы приехали в маленькое село, где был детский дом, и остановились перед его входом. Тут на

крыльцо воспитательница вывела двух миниатюрных девочек, совершенно одинаковых, закутанных в зимнюю одежду. Они были невероятно трогательны и выглядели, как две маленькие матрешки.

Я посмотрела на них: «Какие хорошенькие! Но мои должны быть старше...» Тут воспитательница вывела остальных детей, они погрузились в машину и уехали, как потом выяснилось, в областной центр, делать фото на паспорт. Это и были мои дочери! Свете было пять лет, а Наташе четыре, они выглядели как двухлетки и не улыбались. В тот же день я смогла остаться с ними наедине в специальной комнате, мы общались и я научила их называть цвета, чего они раньше просто не умели...

НГ: Откуда родом Ваши дочери?

Одиль: Из Сибири, точнее, из Курганской области. Но я нашла их совершенно в другом регионе и, как ни странно, это были домашние дети, всю жизнь прожившие с матерью, но как прожившие... Недокормленные, неухоженные. Перед самым лишением родительских прав мать переехала ближе к Москве, а затем детей у нее забрали и поместили в детский дом. Там они провели всего несколько месяцев перед усыновлением.

И тут оказалось, что у них есть третья сестра, нескольких месяцев от роду. Мой адвокат, занимавшийся усыновлением в России, прекрасная женщина по имени Вероника Закария, помогла мне ее найти. Но об этом позже...

НГ: Какое впечатление у Вас осталось от детского дома?

Одиль: Очень хорошее. Воспитатели работали с детьми, старались обеспечить психологический комфорт. Но экономически это было очень тяжелое время! В детском доме не было ни тепла, ни нормальной еды. Как вы знаете, такие дома прикреплялись к предприятию-спонсору, а оно не могло больше его содержать, и жители поселка сами приносили еду и молоко для детей. И я, естественно, жила одной мыслью: детей нужно забирать отсюда как можно скорее.

Первая фраза, которую Наташа мне сказала: «Подтяни мне носки», - у нее носки съехали с ножек и забились в сапоги. А потом уже они стали очень разговорчивые. И каждую фразу заканчивали словами: «Мама, да!? Скажи, да?»

Светлана: А я почти ничего не помню... Помню, что у мамы были вьющиеся волосы и она была очень энергичная. Потом мы часто рассматривали детские фотографии и обсуждали их, поэтому все воспоминания смешались в моей голове.

Одиль: Я им все объясняла по-русски, и только несколько лет спустя Светлана мне сказала: «Мама, ну какой же у тебя тогда был ужасный акцент!»

НГ: Как проходила адаптация детей к новой жизни, а Ваша - к новой роли?

Одиль: Кажется, мы сразу почувствовали себя одной семьей. У моих дочерей открытый характер, у меня тоже, и мне с ними было очень просто. Последнюю ночь в Москве мы провели в гостинице «Международная». Я налила ванну, напустила туда пены, девочки в жизни не видели ничего подобного. Они были в таком восторге, что ныряли туда как в бассейн! А затем мы летели на самолете через Цюрих, и девочки общались со стюардессами, называя их «тетя» и требуя принести то одно, то другое. В цюрихском аэропорту они впервые увидели эскалатор. Это был так, словно их

привели в парк с аттракционами: каждая раз 15, наверное, прокатилась на эскалаторе с радостными криками, пока я стояла внизу с чемоданами и смотрела, как они ликуют. А дома их уже ждала своя комната, игрушки, на работе мне дали отпуск по усыновлению длиной в четыре месяца. Все это время мы провели дома.

...Дни перед Рождеством 1993 года были для меня самыми напряженными. Тогда я ждала информацию из России о Марине, в каком детском учреждении она находится, и боялась, что ее не найдут. Наконец, адвокат, Вероника, прислала мне фото: на нем была годовалая девочка с огромными серыми глазами, точная копия сестер.

Швейцарские власти уже смотрели на меня с подозрением, словно хотели сказать: Мадам, что у вас за индустрия перевоза маленьких девочек из России сюда? Но я смогла их убедить, что эта девочка - точно последняя. И мне на нее "выдали разрешение".

Когда Марина оказалась дома, я получила еще один отпуск! Это было прекрасное время. Так прошло лето, в сентябре девочки пошли в школу, и вот они росли-росли и стали совсем большие.

НГ: В подростковом возрасте были какие-то особенные хулиганства?

Одиль пожимает плечами, а Светлана смеется.

Светлана: Ха, я просто люблю иногда выйти с друзьями. А вот Марина покрасила себе волосы в розовый цвет и сделала пирсинг. И Наташа - помню, у нее был период в одежде, вы бы видели ее декольте!

НГ: Одиль, вы тоже были такая девочка-подросток?

Одиль: Кажется, да. Но не забывайте, мое собственное детство прошло гораздо легче. Двум моим старшим девочкам пришлось очень тяжело в самом начале школьного обучения. Им было очень трудно читать и писать. Я записала их в русскую школу при посольстве в Женеве, и учителя были в полном недоумении. Они даже спрашивали: «Вы уверены, что детям нужен русский язык?»

Так мы мучились некоторое время, пока у детей не диагностировали дислексию. Это нарушение в коре головного мозга, при котором ребенок совершенно нормален, даже гениален, но испытывает большие трудности при чтении и письме. Возможно, таковы были последствия их раннего детства.. Тогда мы уехали в Англию, где прожили несколько лет, и девочки ходили в специализированную школу для дислектиков. При этом они свободно говорят на языках, все - очень творческие натуры. Светлана - студентка Высшей школы дизайна в Женеве и хочет стать модельером, Наташа выбрала ту же специальность, но учится в Лондоне. Марина хочет стать фотографом, у нее большие способности.

НГ: Кто в вашем доме занимается кухней и ведет домашнее хозяйство?

Светлана: Мама! И я, конечно, очень люблю готовить. Прибираться меньше люблю, это тоже делает мама. Еще у нас живут собака и три кошки.

НГ: Довелось ли Вам всем побывать в России после удочерения?

Одиль: Я приезжала несколько раз в рабочие командировки, от Москвы до Мурманска - везде побывала. А девочки - пока нет, мы все время собираемся туда на каникулы и никак не доедем. У них всех есть русские паспорта, так что девочки обязательно это сделают рано или поздно.

НГ: Одиль, Вы, родом из России, жили в Женеве, в Лондоне, в Америке - где Ваша Родина?

Одиль: Наверное, у меня нет Родины. Зато есть большая семья.

[Женева](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/odil-i-tri-matreshki>